

ФИЛОСОФИЯ «ТОТАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ» В ТВОРЧЕСТВЕ ЭРНСТА ЮНГЕРА

Эрнст Юнгер родился в 1895 г., когда эпоха Вильгельма II переживала пору своего наивысшего расцвета, и умер на закате двадцатого века, в 1998 г. Он приобрел знаменитость в 1918 г., став самым молодым солдатом, удостоившимся высшей военной награды – ордена Pour la Merite, который был вручен ему самим кайзером. В 1920-е гг. шесть раз переиздавались его военные дневники «Стальные грозы». В середине 1920-х гг. Юнгер написал ряд статей для правых журналов. В этот период он был вовлечен в жаркие споры о том, какой должна была стать Германия после исчезновения Веймарской республики. Для правых интеллектуалов было очевидным, что республиканская форма правления должна быть замещена авторитарной, спор велся лишь о том, в какой мере и каким конкретно образом следовало реформировать государство. Как и остальные представители так называемой «консервативной революции», Юнгер считал марксизм неверным путем для Германии, так как, по их мнению, это была всего лишь негативная форма капитализма. Радикальные консерваторы настаивали на анти-материалистическом, корпоративном государстве, где политике отводилась главная роль, а взаимопроникновение государственного и общественного начал приводило к возникновению гомогенного, неделимого духовного целого, в котором экономика подчинялась национальным интересам и германским традициям. Юнгеровская версия государства такого типа отражена в трактате «Рабочий», который был напечатан в конце 1932 г. В этом трактате Юнгер разработал философскую концепцию «тотальной мобилизации», истоки и основания которой является предметом рассмотрения данной статьи.

Каковы возможные причины появления философии «тотальной мобилизации»?

В конце XIX столетия появляются признаки антибюргерского движения. Импульс этого движения идет не извне, а изнутри самой бюргерской прослойки. Речь здесь может в некоторой степени идти о самоубийстве целого класса. Первое духовное движение с очевидно антибюргерской установкой – это философия жизни. Это движение не является единым. Уже имена представителей философии жизни – Ницше, Дильтей, Бергсон – дают понять, насколько это направление неоднородно. Основная позиция философии жизни – возможность соприкоснуться с бытием как таковым. Всякие критерии

познания отвергаются. В радикальных проявлениях философии жизни наблюдается придание таким категориям как интуиция и иррациональность эсхатологического характера. Противопоставляются два типа – рациональный человек, зависящий от своих расчетов и считающий, что мир можно предсказать, спланировать и, таким образом, обуздать, стать его господином; и другой тип человека, который находится в постоянном поиске непосредственного контакта с бытием. Конечно, первый тип – это буржуа, бюргер. Результат, к достижению которого стремится философия жизни – это освобождение из-под гнета бюргерских принципов.

Следующее направление – молодежное движение. Юнгер соприкоснулся с ним, будучи членом молодежной организации «Wandervogel» (что-то вроде немецких бойскаутов). Молодежное движение входило в более широкий поток движения фелькише.

Джордж Моссе писал¹, что духовный и идеологический характер философии фелькише был прямым следствием романтического движения XIX столетия. Он указывал на следующие характерные черты романтизма, которые подтверждают, движение фелькише уходит своими корнями в немецкую романтику:

- тенденция к иррациональному и эмоциональному;
- рационализм подвергается сомнению;
- интеллектуальной дисциплине и терпеливым экспериментам в политической сфере противопоставляется революционный идеал;
- идея единого бога уступает место пантеистическому мировоззрению;
- личность, индивидуум возводится на пьедестал.

Романтическое движение совпадает с распространением индустриального общества и поисками нового смысла жизни. Индустриализация сопровождается грандиозными демографическими изменениями, социальной несправедливостью. Индивидуум находится во все большей изоляции. Выход из этого положения, предложенный романтиками, – поиски всеохватывающей общности, какого-то универсума, который включил бы в себя личность, так как только в некоем космическом единстве возможна ее реализация.

Так объединяются две противоположности: экстремальный индивидуализм и стремление к всеобщему единению. Космос – это то единство, из которого человек черпает жизненную силу. Эта концепция демонстрирует очевидность огромной роли средневековья в немецкой романтике. Романтика, обращаясь к прошлому, представляет собой альтернативу прогрессу и индустриализации, которые, с

¹ Mosse G. L. *Die voelkische Revolution : ueber die geistigen Wurzeln des Nationalsozialismus*. Frankfurt am Mein, 1991. S. 185

точки зрения романтиков, ведут к разделению труда, семьи, разобщению общества в целом. Бюргер для них – типичный представитель индустриального общества. Движение фелькише противопоставляет этому искусственному разделению «естественную общность народа», которая должна быть скреплена неким авторитетом. Этот авторитет не должен обладать какими-то измеримыми, рациональными качествами, он должен, прежде всего, обладать харизмой.

Начало первой мировой войны послужило катализатором этих настроений. Новому времени пришел конец, и наступила невиданная доселе эпоха. Начало войны означало «победу» движения фелькише. Личность была подчинена, полностью отдана во власть целого, а это именно то, к чему оно стремилось.

Эрнст Юнгер принадлежал к тем, кто пошел на войну добровольцем. Разочарование в принципах бюргерства приводит к тому, что, по словам Юнгера, «война становится средством освобождения, и в пылу битвы человек обретает сам себя». Кроме того, не надо забывать о духе мужского братства, неизбежно присутствующего в подобных ситуациях.

Отличительное свойство Юнгера в том, что он сумел объединить два полюса: огонь и лед. Находясь в гуще жарких боев, он способен не только к рефлексии, но и к саморефлексии. Погружаясь в битву, он сохраняет холодный рассудок, как бы наблюдая ситуацию со стороны. Это состояние было им позже названо «магией экстремального» и стало причиной успеха его книги «В стальных грозах» среди военных. Творчество Юнгера, по мнению П. Козловски, может помочь «метаисторическому» рассмотрению идеологий, так как во все периоды оно было отмечено определенной дистанцированностью и невовлеченностью.

После войны Юнгер опубликовал ряд философских работ и эссе. По степени значимости среди них выделяется философский трактат «Рабочий» и статья «Тотальная мобилизация».

С точки зрения С.Ф. Одуева² философские категории Юнгера еще в большей степени, чем, например, у О. Шпенглера, превращаются в политические понятия, хотя принципиально метод их трансформации остается тем же – мифологизация действительности.

Мифическая интерпретация Человека как Рабочего сказалась как в национал-социализме, так и в марксизме-ленинизме, так как она согласовывалась с их идеей тотальной мобилизации мира и желанием преобразовать его в тотальном трудовом процессе. В зеркале сочинений Юнгера отразилось и то, как герой-рабочий сменился человеком-титаном, который отказался от своей нигилистической вла-

² Одуев С.Ф. *Философия «тотальной мобилизации»* // Вопросы философии. 1973. № 3. С. 136-148

сти и вернулся к матери-Земле, и то, как, в конце концов, героическая эра рабочего завершилась. В отличие от Бальзака, Эрнст Юнгер никогда не заявлял желания быть «секретарем» своей эпохи. Мысль Юнгера строилась на убеждении, что поэт заставляет мыслить сама действительность, что он всего лишь дает зримое выражение ее идеям. Можно сказать, что ряд текстов Юнгера 1920-1959 гг., начиная с книг «В стальных грозах», «Рабочий», «На мраморных скалах» и кончая произведением «У стены времени», в исторической перспективе выглядит как один многотомный роман-эпопея, как одна трагедия героя модерна.

Согласно Карлу Шмитту³, есть два источника трагических событий: миф и исторически реальное настоящее. Трагедия основана на мифе, который для актеров и зрителей является частью исторической действительности. По Шмитту, трагедия требует, «чтобы мы познали непреложный, возвышающийся над всякими субъективными предположениями смысл неповторимой исторической действительности и ее превращение в миф. Как мифолог, Юнгер видел: в войнах его эпохи после битв гигантов и титанов произошло возвращение человека к Земле и в исторической действительности состоялось превращение античного мифа о борьбе гигантов и титанов в гностический мир о восстании «человека-титана» против богов.

За основу своей концепции Юнгер взял волю к власти в качестве некой монады, пронизывающей все сущее в мироздании. Устремленная вперед, яростная, творящая воля раскрывается как neodолжимая воля к всевластию. В своем состоянии чистого движения, писал Юнгер, «она есть цель всех целей». Диалектика жизни, на которой он настаивал, в конечном итоге сводится к диалектике войны. «Война – начало всех вещей». Война – это средство ликвидации всех гордиевых узлов, которые завязывает история. Человек – прирожденный, обреченный к вечной войне убийца, и хотя при смене поколений из тысячелетия в тысячелетие происходит «заглаживание» в человеке дикого и жестокого, «все же это звериное таится в недрах его бытия», «до сих пор живет в нем первобытный человек – обитатель пещер во всей необузданности раскрепощенных инстинктов». В крови и огне битвы настоящий человек показывает себя «единственной величиной, действительно вырастающей из этой страшной пробы», в ней он обретает свой новый, страшный и привлекательный облик, перед которым отступает и рушится безжалостная мощь техники уничтожения.

Юнгер привнес в философию жизни новые категории, такие как кровь, ужас, боль, являющиеся, по его мнению, атрибутами са-

³ Schmitt C. *Hamlet oder Hekuba. Der Einbruch der Zeit in das Spiel*. Stuttgart, 1985. S. 48-54.

мой жизни, принадлежащими к тому роду переживаний, которые покоятся в сущностных корнях человеческого бытия и проявляются с особой силой в минуты мощных потрясений. Эти минуты являются мгновениями великого внутреннего озарения, когда «на трон дня поднимаются новые идола – сила, кулак и мужское могущество, и вновь приходит твердая воля». Боль становится знаком эпохи: «Абстрактность, а, следовательно, и бесчеловечность всех отношений между людьми постоянно возрастает... Прогресс переходит в наступление, которое до сих пор считалось немыслимым; все словно перевертывается, чтобы после круга самой неестественной диалектики продолжить движение на самом первобытном уровне». Люди, которые носят войну в своей крови – ландскнехты. Ландскнехт по Юнгеру – представитель мирового духа и орудие воли к власти возвышающейся жизни.

Эти размышления вдохновили Юнгера на создание концепции «тотальной мобилизации». Первая мировая является последней из классических войн. Современная война требует массовых армий, в ней стираются различия между фронтом и тылом, массы же не желают слепо повиноваться воле государств. Современная война ставит на повестку дня вопрос о всеобщей, тотальной мобилизации – о целенаправленном, планомерном использовании всех экономических, финансовых и технических средств, людских ресурсов, духовного и нравственного потенциала всей нации. Тотальная мобилизация – выражения стиля жизни «века масс и машин»; она представляет собой «область деятельности организующего духа, имеющую свои внутренние закономерности, с которыми должен согласовываться человеческий закон, если он действует, – закон воинственной сущности человеческой природы». Согласно Юнгеру, все европейские страны прошли через мобилизацию в преддверии и в ходе первой мировой войны. Либеральные западные державы, используя демократические структуры, сумели провести мобилизацию лучше, чем авторитарная германская империя. После войны, которую Германия проиграла, эти державы мешали немцам стать европейцами и сделать свою экономику более мобильной. Чтобы включиться в общий прогресс Запада, Германия, как, впрочем, и Италия, должны были тотально мобилизоваться. В отличие от всеобщей мобилизации западных демократий фашизм был именно тотальной мобилизацией.

Создав концепцию «тотальной мобилизации», Юнгер выковывает основное звено своей философии – миф о «рабочем» – человеческом типе, являющемся носителем тотальной мобилизации, о господстве и образе нового порядка⁴. Герой войны сменяется героем

⁴ Все цитаты из книги «Рабочий» – по изданию: Junger E. *Saemtliche Werke*. Stuttgart, 1986. Bd. 5.

труда. Полную мобилизацию совершает не только тотально военизированное, но тотально трудовое по своему характеру общество. Юнгер пытался доказать, что господство в Германии третьего сословия, бюргерства, не имеет глубоких исторических корней, что оно поверхностно и не проникает в «народную сердцевину», в которой есть два свойства, выделяющие немецкий народ среди других, – любовь к порядку и послушание. «Немецкая сущность раскрывает себя навстречу приказу, который, как молния, проходит от верхушки до самого корня, пронизывая все звенья национального бытия. Все звенья скреплены волей фюрера, ибо он – первый солдат, первый слуга и первый рабочий».

Безопасность существования отдельного человека, независимость человеческой личности объявлялась бюргерской, обывательской иллюзией. Антагонизм между буржуа и рабочим определяется рангом бытия: буржуа, бюргер, не способен по своей природе к решительным, внушающим страх, действиям, он ищет безопасности и покоя, отгораживая себя от жизни; рабочий же устремлен к активной, наступательной деятельности, к борьбе, к господству, он идет навстречу жизни. Вместе с бюргером подвергается осмеянию и индивид – «самое очаровательное изобретение бюргерской сентиментальности». Рабочий – становящаяся власть, на которой должна покоится судьба страны. «Рабочий и буржуа также различны, как восход и закат». Предназначение рабочего – стать воплощением идеи нового государства, нового порядка, при котором «из индивида, являющегося в принципе не чем иным, как служащим, получится воин, из массы – армия, а в целом – порядок приказания вместо упраздненного порядка общественного договора. Рабочий утвердит вместо адвокатов – фюрера, а свое бытие сделает масштабом истолкования мира». Рабочий Юнгера не имеет отношения к социальным структурам. Образ рабочего «надо рассматривать, с одной стороны, в историческом масштабе, как образ неизвестного солдата, а с другой стороны, таким, как он выступает сейчас, – в качестве господина мира, в качестве типа, обладающего совершенством власти, до сих пор лишь смутно предчувствуемой». Рабочий – это единство материи и идеи, крови и духа, силы и права, общества и индивида», которое проявляется в «его воле к тотальной диктатуре, которая изображается в зеркале нового порядка как воля к тотальной мобилизации».

Рабочий – это человек, который жертвует собой во имя воли к власти и мобилизации. «Самое глубокое счастье человека состоит в том, что он жертвует собой, а высшее искусство приказа – в том, чтобы определить цели, достойные жертвы». Это тотальный характер труда и забвение тела. «Это действие предполагает, конечно, командную высоту, откуда тело может рассматриваться как форпост,

которым можно с дальнего расстояния распоряжаться и жертвовать. В этом пространстве все сводится не к тому, чтобы избежать боли, а к тому, чтобы ее выдержать. Оттого мы находим в героическом, культовом мире совершенно иное отношение к боли, чем в мире чувственном. Для современной чувственности тело идентично ценности как таковой, для современного героизма тело является форпостом, которого чувствительность вообще не достигает». Превращение индивида в рабочего «представляет собой операцию, с помощью которой зона чувственности исключается из жизни».

«Рабочий» Юнгера представляет собой попытку противопоставить деперсонализированным силам – технике и экономике – личностный тип, который в состоянии овладеть ими. Рабочий невозможен; экономика и даже техника – это только складки, оживляющие его одевание. Только подобный тип «рабочего» в состоянии овладеть властью техники, которая стала планетарной.

В рамках данной статьи не хотелось бы выносить свою точку зрения по поводу того, можно или нельзя считать Юнгера ответственным за то, что захват власти национал-социалистами превратил его мифологию в политическую реальность. Приведем лишь самооценку Юнгера: «В Германии книгу встретило приятное затишье. Она вышла во второй половине 1932 г., незадолго до третьего рейха (предисловие книги датировано 14 июля 1932 г.), но ни национал-социалисты, ни их противники не могли ничего с этим поделать. В конце было сказано, что образ «рабочего» не является ни национальным, ни социально ограниченным, но имеет планетарный характер. «Техника является униформой рабочего». Это с неудовольствием отмечалось и правыми и левыми. В «Фелькишер беобахтер» появилась рецензия, в которой писалось, что я оказался «в зоне прицельного попадания». Рецензент писал: «Как относится Юнгер к основному вопросу всего бытия, к проблеме крови и почвы? Ответ может быть только один: вообще никак». Юнгера в этой рецензии обвиняли в «опасной склонности к умствованиям» и в подверженности «французским влияниям». Кроме того, рецензент писал: «В конце остается одна загадка, особенно непостижимая для нашей молодежи: как из солдата-фронтовика Юнгер превратился в человека, имеющего удивительное сходство с русским интеллигентом Достоевским, который за чаем и куревом ночи напролет обсуждает основные проблемы жизни?» Рецензент приходит к выводу: «Нам жаль Эрнста Юнгера. Когда-то мы считали его одним из лучших авторов нашей литературы»⁵.

⁵ Козловски П. *Трагедия модерна: Миф и эпос XX века у Эрнста Юнгера* // Вопросы философии. 1996. № 5. С. 15-27.